

З. А. Ментешашвили

СТАРОЕ И НОВОЕ В ОБЩЕСТВЕ МОЗАБИТОВ АЛЖИРА

Юг Алжира, охватывающий часть территории Сахары, носит название Шебка, что по-арабски означает «сеть». Название это связано с характером рельефа: каменистая поверхность, в течение веков подвергавшаяся выветриванию, имеет вид сетки, состоящей из коротких ущелий и трещин. В центре бесплодной пустыни русло реки Мзаб образует долину, окруженную невысокими желтоватыми возвышенностями; в нижней части долины расположены пять городов, разместившихся на склонах или возвышенностях в русле реки. Все они были основаны в XI в. н. э. Общее население городов — 35 тыс. человек. Столицей мозабитов считается г. Гардая — довольно крупный военный и административный центр юга страны. За ним по значению следуют города Бени Изген, Мелика, Бу Нура, Эль-Атеф.

Река Мзаб, название которой носит весь описываемый район, течет спокойно и выходит из берегов в среднем лишь раз в 10 лет. Осадки или даже ливни здесь довольно часты, однако бывают годы вообще без атмосферных осадков, а поэтому один или два сильных ливня в год всегда рассматриваются как благо¹. Воду находят на различной глубине — от 8 до 55 м; ее приходится доставать из колодцев. Поэтому удивительно видеть пальмовые рощи вокруг городов и утопающие в финиковых пальмах и фруктовых деревьях уютные летние домики.

Помимо пяти городов в долине Мзаб расположены оазисы Берриан и Мидили, частично принадлежащий мозабитам. В основном же эти места заселены арабами из большого оседлого племени шаанба.

Первое описание Мзаба принадлежит известному арабскому ученому Ибн-Халдуну, рассказавшему об истории мозабитов со времен завоевания Северной Африки арабами в VII и VIII вв.² Как известно, в те времена в Аравии не утихла наследственная вражда между потомками пророка Мухаммеда и сектой хариджитов, оказавшей значительное влияние на политические события в Халифате. Родовые группы ревностно оберегали самобытность своих традиций и обычаев, нередко прибегая для их защиты к оружию. Стычки и столкновения между отдельными родами или кланами чаще всего имели кровавый исход.

Каждая родовая группа выбирала себе старосту, который назывался *кэбиром*. Он выносил приговоры, накладывал штрафы. Его помощниками были шерифы — *мукаддамы*. Они приводили в исполнение судебные решения, вели бухгалтерские книги города и принимали чужестранцев.

Любой человек, независимо от того, из какого района он происходил, имел право на защиту по законам города и сам должен был подчиняться этим законам; власти несли ответственность за сохранение безопасности и порядка в городе в целом³. Помимо судебных чиновников каждый род выбирал своих старейшин, которые вместе со старостами и шерифами составляли собрание (*джамаа*). Это собрание созывалось только в исключительных случаях, например для рассмотрения важного судебного дела, по вопросам общественной безопасности, выработки законов или их пересмотра. Собрание являлось законодательным и верховным судебным органом одновременно.

Тем не менее само по себе джамаа не было полномочным; оно созывалось только в мечети, в присутствии тайного собрания, состоящего из духовных лиц, председателем которого являлся шейх. Из светских лиц правом голоса обладали только старосты. Роль старейшин заключалась в том, чтобы выслушать и одобрить принятое решение. Мечеть фактически

¹ Brunches J. Human Geography. L., 1952, с. 53.

² См.: Ibn Khaldoun. Histoire des Berbères et des dynasties musulmanes de l'Afrique septentrionale. T. 3. P., 1934, с. 393—400.

³ Capot-Key R. Le Sahara français. P., 1953, p. 135.

служила городским советом. Высшее духовенство (ученые мужи) не вмешивалось в повседневное управление, но все вопросы, имевшие сколько-нибудь важное значение, могли решаться только с его согласия. Горожане имели связь с высшим духовенством через своих выборных представителей в собрании.

Однако при наличии разных мнений именно духовенству принадлежало последнее слово, так как в его распоряжении было два сильных оружия: право изгнания отдельного лица и целой общины. В тяжелых случаях использовалась «сидячая забастовка»: шейхи запирались в своей мечети, не проводили ни богослужений и других обрядов, ни обучения; фактически вся жизнь общины замирала⁴.

В общинах действовала строгая система правил поведения, предписаний, норм и запретов, несоблюдение или нарушение которых влекло за собой наказание вплоть до изгнания из общины. Такому наказанию подлежали лица, проявившие тщеславие, хвастовство, легкомыслие, чрезмерную любовь к развлечениям, расточительность.

Так, по законам г. Мелика на свадебную церемонию разрешалось израсходовать строго определенную сумму. Для подготовки свадебного пира можно было привлечь не более двух рабов в доме жениха и двух рабов в доме невесты. Во время церемонии запрещалось играть на музыкальных инструментах. На традиционное мозабитское свадебное блюдо *гедара* можно было израсходовать лишь одну меру кукурузы (но не муки), в него нельзя было класть ни яиц, ни шафрана. Запрещалось доставлять невесту в дом жениха на муле или лошади — она должна была идти пешком. Иногда свадебное шествие к дому жениха сопровождали флейтист и барабанщик, но входить в дом музыканты не имели права. В доме жениха категорически запрещалось также курение, ибо табак считался оскверняющим зельем. Негритянка, которой поручалось нести хлеб в дом невесты, получала от родственников жениха два небольших початка кукурузы. Жениху полагалось давать в обмен на хлеб полреала, но не более. Служанка, приносившая сладкое блюдо из фиников, могла взять из рук своей госпожи лишь один кусочек. Женщина, остававшаяся с невестой в течение некоторого времени после ее прибытия, получала 1/8 реала. По окончании свадебной церемонии музыкантам запрещалось играть. Накладывался запрет и на стрельбу из огнестрельного оружия. Мать невесты, получая подарки жениха, не должна была угощать его друзей или посылать жениху подарки. Нарушение каждого из этих предписаний строго каралось⁵.

Города Мзаба образовывали одну конфедерацию, которую не следует понимать как политический союз. В основе конфедерации лежали общность происхождения и интересов, в частности совместная защита территории от врагов. Секта, окруженная тайной государственной организацией, была призвана охранять чистоту веры и готовность к самопожертвованию. Это развивало в мозабитах ощущение своей избранности, непохожести на других людей, исключительности, а соответственно и гордости.

На протяжении всей истории Мзаба его города иногда соперничали друг с другом, однако более сильными оказывались объединительные тенденции. Важную роль играли социальная сплоченность, основанная на единстве религиозных догм и союз, созданный в целях религиозного контроля, который община осуществляла над всеми своими членами.

Любое послабление в системе религиозных и моральных догм могло привести к разрушению социального единства, что фактически и произошло на о-ве Джерба, где древняя и могущественная община мозабитов постепенно пришла в упадок под влиянием изменения условий жизни. Мозабитская община способна была устоять и не распаться только благодаря добровольному ригоризму и сознанию своей исключительности, превосходства над другими народами. Мозабиты называли себя

⁴ Ibid., p. 159.

⁵ Alport E. A. The Mzab.— In: Arabs and Berbers. Duckworth, 1973, p. 145.

«божьим», т. е. «избранным», народом. Другими словами, если бы религиозная доктрина не отделяла мозабитов от других народов, у них не было бы особых причин жить именно в Мзабе, а не на побережье, в каком-либо более пригодном для жилья месте.

Даже тогда, когда мозабиту случалось долго находиться вдали от родных мест, он свято хранил верность своей земле, общине, религии, городу, остававшимся для него «священным ковчегом», а в еще большей степени — традициям и обычаям предков, ибо только незыблемость семейных, религиозных и общественных традиций могла быть залогом сохранения самобытности и самого существования общины. Поэтому ничто не могло удержать мозабита на чужбине, какая бы «райская» жизнь ни была ему там уготована. Мозабит, оторванный от родной земли, обязан был периодически посещать свою общину, чтобы ощутить ее религиозную атмосферу, ее целостность и свою причастность к ней как единому организму. Таким образом, ключом к пониманию организации мозабитского общества служит доктрина и обусловленный ею образ жизни, хотя можно, конечно, объяснить жизнестойкость «мозабитской цивилизации» экологическими причинами, предположить, что в силу скудости природных ресурсов мозабиты вынуждены были переселяться в другие места и заниматься торговлей, причем успехи в торговой деятельности можно объяснить некоторыми моральными качествами, привитыми им религией⁶.

По мнению мозабитов, воля бога непостижима и неоспорима, судьба человека predetermined заранее, а значит, и его возвышение или падение. Вера сама по себе не может гарантировать человеку спасение или благополучие, если она не выражается в действии, труде. Истинно верующий человек должен постоянно находиться в состоянии страха и надежды, не должен терять веры в бога, отчаиваться. Однако, согласно доктрине мозабитов, нельзя надеяться только на бога. Веря во всеобъемлющую власть Аллаха, мозабиты не признавали его посредничества или заступничества. У них не существовало и культа святых. Возведение в сан или в звание избранных, по их верованиям, происходит по милости Аллаха. Он же преграждает грешникам вход в рай.

Среди мозабитов всегда высоко ценились благочестие и трудолюбие. Труд, с их точки зрения, — это комплекс физических и моральных, духовных упражнений, проявление самодисциплины. Леность считалась одним из самых больших пороков. Лениню трудно было найти себе жену. Большим почетом пользовался у мозабитов достойный человек, обладавший высокими моральными добродетелями: мудростью, равнодушием к благам мира сего, набожностью, простотой, отсутствием страстей. Такого человека, служившего для всех живым примером, называли талибом.

Поскольку мозабит, повинувшись религиозным предписаниям, не мог позволить себе покупать предметы роскоши или предаваться развлечениям, заработанные и накопленные им деньги поневоле превращались в капитал. Постепенно накопление капитала становилось самоцелью.

Согласно религии мозабитов, молитвы людей, не понимающих их смыслов, недействительны; верующий должен уметь читать и писать на языке корана, поэтому духовенство считало своей первостепенной задачей обучение населения. Однако воспитанию подрастающего поколения уделяло большое внимание и не только духовенство.

В современном Алжире традиционные религиозные принципы у мозабитов приобрели новое значение. Так, например, взаимопомощь, обусловленная солидарностью между сторонниками одной и той же доктрины (веры), членами одного клана или жителями одного города, в новых условиях превратились в «торговое соглашение», в кооператив, товарищество или акционерное общество. Как правило, коммерческие фонды принадлежали определенной семейной группе, компаньоны вели бухгалтерское дело, а вырученные деньги предназначались семье, живущей в Мзабе. Часто отец брал к себе на службу сыновей, а дядя — племянни-

⁶ Ibid., p. 150.

ков. Служащие обычно являлись выходцами из семьи патрона, представителями его клана и города. Эта «семейная» организация предприятия позволяла мозабитским коммерсантам сохранять конкурентоспособность благодаря скромным общим расходам (расходы были сведены до минимума, а работали на износ). С ранних лет обученные искусству торговли и бухгалтерскому делу мозабиты были отличными коммерсантами. Они помогали друг другу во всем: обменивались информацией о рыночной конъюнктуре, давали займы деньги, обеспечивали вновь приезжавших⁷.

Из-за скудости природных ресурсов торговля была исконным занятием мозабитов. Торговый опыт они накапливали веками. Сначала торговлей занимался г. Тиарет, в окрестностях которого развивались животноводство и земледелие, а затем г. Седрат, находившийся на пути, соединяющем Западный Судан и долину Нигер со Средиземноморьем. Долина Мзаб была мало пригодна для торговли, что вынуждало мозабитов прибегать к отходничеству — уходить со своими товарами в чужие края, где существовала более благоприятная торговая конъюнктура. С древнейших времен мозабиты продвигались на север. Они торговали рабами, кожами, шерстью и домашним скотом из Сахары, а также продуктами сельского хозяйства и бакалейными товарами, привезенными с побережья и из портов⁸. В наши дни мозабиты торгуют текстильными и бакалейными товарами в Алжире и Тунисе. Многие из них обладают крупными капиталами, а также движимым и недвижимым имуществом в городах, сельских районах и оазисах Южного Алжира.

Так повелось с давних времен: когда отец брал сына в свое дело или определял его в дело друга для обучения торговле, юношу посылали на север. Юноша возвращался в долину Мзаб в возрасте 16 лет, чтобы взять себе жену, затем снова уезжал на север, периодически посещая свой дом до тех пор, пока не накопит достаточного капитала, чтобы обеспечить будущее свое и своей семье.

Мозабиты делали в пользу мечети щедрые пожертвования, за счет которых существовали духовенство и школы. Немало расходов требовало также ведение домашнего хозяйства: уход за скотом, работы в саду или на огороде, содержание в исправности оросительных каналов⁹. Тем не менее большинству мозабитов, как уже отмечалось, удавалось сколотить изрядное состояние. При этом верность традициям не только не мешала приспособлению к миру капиталистической, конкурентной экономики, но и благоприятствовала этому.

Исключительная сплоченность семьи, сознание своей принадлежности к особой религиозной общине и стремление сохранить верность ей не позволяли мозабитам рассеиваться по миру, создавали условия для их этнической концентрации. Женщина — оплот семьи — способствовала сплоченности народа. Роль женщины определялась основным законом мозабитов: мозабитская женщина не имела права покидать Мзаб, ее нельзя было встретить нигде, кроме Мзаба. Французский автор Г. Марсэ называет женщин «арматурой» мозабитского общества. Другой французский автор, Пьер Бурдьё в своем исследовании «Социология Алжира» приводит такой пример: в 1928 г. одна женщина из мозабитского племени Берриан хотела уехать из Мзаба, но все члены племени воспротивились этому и даже пригрозили ей расправой в случае неповиновения¹⁰. Поэтому женщины Мзаба — в полном смысле слова хранительницы очага, и не только семейного, но и городского, общества в целом. Они привязывали мозабита к земле его отцов, его прошлому, традициям. Под надзором старших женщины воспитывали детей в духе основных добродетелей мозабитов и строгого соблюдения законов.

Так же как и во всей Северной Африке, женщины Мзаба образовывали особую группу. У них существовали свои ритуалы, свои песни. Они выполняли специфическую работу или применяли особую технологию

⁷ *Boyardien P.* Sociologie de l'Algérie. P., 1958, p. 125.

⁸ *Mercier M.* La civilisation urbaine an Mzab. Alger, 1922, p. 50.

⁹ *Capot-Rey R.* Op. cit., p. 229.

¹⁰ *Bourdien P.* Op. cit., p. 198.

при выполнении общих работ, использовали оригинальный язык, отличающийся фонетическим звучанием, словарным запасом и фразеологией. Еще в прошлом веке французский путешественник Н. Робэн писал, что женщины и мужчины почти полностью отделены друг от друга: женщины закрывали лицо, оставляя открытым лишь один глаз, у мужчин и женщин — отдельные помещения для отправления религиозных обрядов и т. д. Однако при этом женщинам предоставлялась определенная автономия. В качестве примера можно привести институт обмывальщиц мертвых, которым приписывалась способность общения с потусторонним миром; их основная задача состояла в том, чтобы обучать женщин принципам религии и следить за их поведением¹¹. Женщины, обмывающие покойников, относились к числу наиболее умелых и добродетельных. Денег им не платили, но их боялись и уважали. Имея доступ в каждый дом, они оказывали всестороннее влияние на семейную жизнь, с ними были обязаны советоваться при решении любого дела; кроме того, тайное собрание *халка* возлагало на них право отлучения от общества. Обычно эти женщины выполняли свои обязанности добросовестно, педантично и строго. Одна из основных их функций — обучение. Догма о равенстве всех мусульман подразумевает и женщин, которых поэтому приходилось учить понимать коран и молитвы¹². Им давали также некоторые знания о законах и истории их города и секты. Так как женщины не посещали мечеть, в задачу обмывальщиц входило следить за тем, чтобы они исправно молились. Таким образом, это было своего рода женское духовенство¹³.

В г. Гардае обычно было пять обмывальщиц. Пять мужчин выполняли ту же благочестивую обязанность в отношении умерших мужчин. Раз в год обмывальщицы из пяти городов долины Мзаб собирались, чтобы обменяться мнениями, пересмотреть старые правила и определить нарушения или отклонения от правильного поведения.

Каждая деталь в поведении женщины регламентировалась и контролировалась: ее одежда, украшения, стиль прически, косметика, поведение на улице (при условии, что ей разрешено выходить из дома). Она не должна была показывать свои руки мужчине, платя за покупку в лавке (руку следовало закрывать уголком одежды). Нельзя было танцевать и петь на празднике, хотя петь за работой разрешалось. Женщине запрещалось оплакивать покойного (даже собственного ребенка или мать) — для этого существовали специальные арабские плакальщицы. Женщина не должна была повышать голос (чтобы позвать кого-то, следовало хлопнуть в ладоши), ей запрещалось также переговариваться с соседкой с кровли дома и т. д.

Детей мозабиты воспитывали одинаково, придерживаясь определенных и строгих правил. Например, малыша иногда переворачивали вниз головой, держа его за ножки и при этом сильно шлепая по спине и бокам, что якобы придавало гибкость туловищу. Мать качала ребенка на левом колене, положив левую ногу на правое колено. Ребенка носили на руках, пока он в пеленках, а позднее — на левом бедре, но никогда — на спине.

Мозабитская женщина не могла выйти замуж за представителя другой этнической группы или вероисповедания, хотя мужчинам подобные браки разрешались (исключение составлял г. Бени-Изген, где вступление в брак с немозабиткой издревле влекло за собой изгнание). Женщины в замужестве сохраняли фамилию отца, а во всех других отношениях принадлежала к семье мужа. В отсутствие мужа она вела хозяйство и считалась главой семьи.

Многие французские авторы, такие, как Т. Мерсье, Т. Моран, П. Бурдьё, А. Гуашон и др., полагали, что после аннексии Мзаба Францией

¹¹ Robin N. J. Le Mzab et son annexion à la France. Alger, 1884, p. 20—30.

¹² Merghoub B. Le développement politique en Algérie. Etude des populations de la région du Mzab. P., 1972, p. 81.

¹³ Goichon A. M. La vie féminine au Mzab. Etude de sociologie musulmane. T. 1. P., 1927—1931, p. 72.

средневековое общество не могло сохранить свою целостность. По их мнению, запрещение работорговли и приобщение к прогрессу цивилизованного мира заставят мозабитов покинуть огороженные стенами города в пустыне и приобщиться к более легкой и комфортабельной жизни в плодородных районах Северной Африки¹⁴. Они настаивали на отмене запрещения эмиграции женщин, предсказывая быстрый упадок долины Мзаб по экономическим и социальным причинам. Другие авторы (Э. А. Алпорт, А. Бернар) отрицали возможность выхода мозабитов из изоляции и обосновывали свою точку зрения мироощущением мозабитов, порожденным гордостью за свою общину, верой в свою исключительность и, наконец, желанием умереть и быть погребенными в родной долине¹⁵. Тем не менее мозабитская этническая группа не могла противопоставить давлению западной цивилизации XX в. только силу традиций.

Одно из условий, позволяющих племенным и традиционным обществам устоять перед натиском Запада, несмотря на бедность масс, невежество и низкую организацию, — это богатство, образование и привилегированное положение городской верхушки, стремящейся удержать свое господство на рынке. Эта верхушка уже довольно давно знакома с европейским образом жизни и языками, что, естественно, помогает ей удерживать свои позиции. С другой стороны, сплоченность мозабитов обеспечивается этноконфессиональной общиной. В Мзабе не допускается, чтобы богатство давало его владельцу только личные преимущества, богатство должно служить прославлению бога и поддержанию общины.

Чтобы понять этот комплексный характер социальной организации в Мзабе, необходимо отказаться от предвзятости. Совершенно очевидно, что условия, в которые мозабиты поставлены самой природой, и статус меньшинства сами по себе неуклонно требовали постоянного напряжения воли, мобилизации энергии, усилий для обеспечения выживания группы.

Можно рассуждать следующим образом: неблагоприятные природные условия породили эмиграцию, позволяющую выжить в пустыне (хотя и эмиграция регламентировалась религиозной доктриной, гарантирующей сплоченность), адаптацию в разумных пределах и единство — эту святая святых, которую надо было сохранить любой ценой на основе единой экономики¹⁶. С другой стороны, важную роль в Мзабе играла сплоченность семьи — основа социального равновесия и опора эмигранта.

Мозабитов охраняли от раздробления их богатство и отличная организация управления городами. Их города никогда не имели прямых и постоянных контактов с европейцами. Этот факт можно объяснить традиционным требованием разделять экономику и религиозную жизнь, диктовавшим выбор точной и гибкой стратегии, контроль за тем, что должно было оставаться постоянным, неизменным, и тем, что должно было меняться.

Подобно городу, основанному на двух совершенно разных очагах: светском и будничном мире базарной площади, открытом для современной жизни, и религиозном акрополе с его мечетью и тайным миром, к которому можно приблизиться, лишь преодолев лабиринт узеньких извилистых улочек, как бы ограждающих от вторжения самое ценное и сокровенное, — душа и сама жизнь мозабитов также сосредоточены вокруг двух различных и даже противоположных центров: священного и повседневного. Однако приспособление к миру финансового и торгового бизнеса не только не противоречило строгому традиционализму религиозной жизни, но и, наоборот, предохраняло ее, давало ей возможность существовать.

В то же время мозабиты не отставали от экономической и политической жизни страны. Еще до революции они начали монополизировать

¹⁴ Mercier M. Etude sur le waqf abordhite et ses applications en Mzab. Alger, 1927, p. 99.

¹⁵ Bernard A. Afrique septentrionale et occidentale. P., 1937—1938, p. 37.

¹⁶ Basagana R., Sayad A. Habitat traditionnel et structures familiales en Kabylie. Alger, 1974, p. 143.

свою торговлю, открыли множество магазинов, работали по найму, стали служащими. Они владели также многими транспортными средствами доставки¹⁷. В настоящее время на юге Алжира они ведут в основном торговлю, занимаются государственными делами, служат в законодательных органах, административных учреждениях, но, несмотря на это, не забывают свой очаг, семью и стараются принимать участие в политической жизни страны в своем замкнутом круге, т. е. не выходя с земель своих предков.

В праздничные дни мозабиты одеваются в красочные костюмы, подчеркивающие их принадлежность к своей народности, верность народным традициям. Но в действительности за этим фасадом скрываются уже происшедшие глубокие изменения.

Как и для других этнических групп Алжира, в условиях научно-технической революции и изменения условий жизни в Сахаре «опасность» потери монолитности все время возрастает и для мозабитов. На смену родному приходят арабский и французский языки, необходимые для общения с внешним миром. В общество мозабитов проникают арабы, другие берберы, иммигрировавшие в Мзаб, где они быстро сливаются с мозабитами. Бывает и так, что «иностранцы», завладев инициативой в ведении торговли и хозяйства, становятся более богатыми и технически грамотными, чем прежние хозяева страны¹⁸. Важную роль играет также образование, меняющее убеждения и нравы мозабитов.

Что касается политики алжирского правительства по отношению к мозабитам, то после завоевания независимости она заключалась в том, чтобы приобщить их к новой административной системе, противостоящей традиционной организации алжирских берберов. В Алжире создавались сельскохозяйственные кооперативы, включавшие выходцев из неарабского населения страны, в том числе и мозабитов.

После завоевания Алжиром независимости была проведена реорганизация политической системы. Во время французского господства колониальная администрация связывалась с алжирскими берберами через племенных вождей. В настоящее время республиканская администрация полностью изменила это положение. Утратив свой официальный статус, вождь номинально стал выборным представителем в новой администрации.

Осенью 1979 г. было проведено обновление «низовых инстанций» партии Фронта национального освобождения (ФНО) с целью полной ликвидации пережитков «трибализма и деспотизма». На II Пленуме Центрального Комитета партии ФНО (28—30 декабря 1979 г.) отмечалось, что в дальнейшем осуществление политики арабизации будет сопровождаться мерами, способными обеспечить работу учащимся и студентам, получившим образование на арабском языке. Принято решение всемерно содействовать и поощрять распространение арабизации в отдаленных берберских районах страны, в том числе и на юге Алжира.

В настоящее время правительство Алжира взяло активный курс на полную политическую, социальную и экономическую интеграцию мозабитов в единых общенациональных рамках.

¹⁷ Le Monde, 1982, 5.VII.

¹⁸ Financial Times, 1982, 25.VIII.